

Ф А Н Н И А Р Т У Р Ъ

И

М О Н Р О З Ъ.

АНГЛИНСКАЯ НОВОСТЬ.

И ж д и в е н і е м ъ

МАТВѢЯ КИРЬЯКОВА.

М О С К В А ,

Въ Типографіи Н. С. Всеволожскаго.

1 8 1 7 .

Печаташь позволяешся съ шѣмъ
чшобы по напечатаніи, до выпус-
ка въ публику, предспавлены,
были : одинъ экземпляръ сей кни-
ги для Ценсурнаго Комитета ,
другой для Департаментша Мини-
стерства Просвѣщенія ; два эк-
земпляра для Императорской
публичной Библіотеки и одинъ для
Императорской Академіи Наукъ.
Февраля 19 дня, 1817 года. Книгу
сію разсматриваль **Ординарный**
Профессоръ и Ценсоръ

Михаило Сибгиревъ.

Ф А Н Н И А Р Т У Р Ъ

И

М О Н Р О З Ъ.

Сирь Аршуръ и Сирь Монрозъ, оба именишья дворяне, оба люди богатыя, члены Англинскаго Парламента, гдѣ голоса ихъ имѣли большой вѣсъ, имѣли также и равныя лѣша. Сообразность склонностей, сдѣлала ихъ друзьями, а по сосѣдству ихъ помѣстій, они видались такъ часто, что два дома ихъ сдѣлались однимъ.

Сирь Монрозъ имѣлъ сына подававшего о себѣ блистательную надежду, и дочь которую называли Амалією.

Сирь Аршуръ былъ отецъ многочисленнаго семейства; старшая дочь его Фанни, прѣмья годами была моложе молодаго Монроза.

Молодые люди еще въ младенчествѣ почувствовали другъ къ другу склонность, которая умножалась съ лѣтами. Родители ихъ, утѣшаясь невинною ихъ нѣжносноію, старались ее поддерживать, и ожидали только того времени, когда разумъ подтвердитъ въ молодыхъ людяхъ наклонности сердець ихъ.

Скоро молодые люди проникли намѣренія своихъ роди-

пелей, и такъ привыкли любить другъ друга безъ помѣхи, и читашь въ душахъ одинъ другаго, что Монрозъ, разобравъ чувства души своей, не ощущалъ боязни любовника, который хочешь въ первый разъ объясниться въ любви своей; и Фанни, несмотря на скромность сродную ей полу и лѣшамъ, не красѣя, слушала его объясненіе. Несмотря однакожь на силу ихъ спраспи, никогда она не выходила изъ границъ спрожайшей благоприспособности.

Монрозу было двадцать лѣтъ а Фанни семнадцать, когда родители начали помышлять о скоромъ ихъ соединеніи: все уже было готово къ торжественію ихъ брака, и ожидали только окончанія

времени траура по госпожѣ Артуръ, вдругъ любовь молодыхъ людей, составлявшая ихъ щастіе, сдѣлалась для нихъ источникомъ огорченій и слезъ.

Сирь Моврозъ, котораго Министры напрасно старались привлечь на свою сторону, и никакъ не могли поколебашь добродѣтели его и ревности къ защищенію правъ народныхъ, къ общему удивленію, обольщенный умнымъ и хитрымъ Министромъ, началъ дѣйствовать въ противоположность пользамъ своего отечества. Всѣ почтеннѣйшія Папріоты Англіи были опечалены и раздражены поступками его. Сирь Артуръ болѣе другихъ оскорбился ими, и ненависть его равна была привязанности,

которую онъ прежде ощущалъ къ старому другу своему. Онъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, когда видѣлъ Монроза въ связи съ рабами Министра, ночиспаемыми подлыми врагами опечества.

Но когда онъ услышалъ друга своего ободряющаго ихъ правила, и въ важныхъ случаяхъ поддерживающаго ихъ мнѣнїи, онъ согласился лучше выйти изъ Парламента чѣмъ поспорить явно съ Монрозомъ, что неминуемо должно было случиться.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего собранїя, Монрозъ встрѣтившись съ Аршуромъ съ обыкновеннымъ видомъ дружества, подошелъ къ нему и хотѣлъ оправдать новыя свои поступки. Но гнѣвъ Аршура,

раздраженный слабостію оправданія Монроза, довелъ его до ярости: « Молчи предашель, « сказала онъ, ты измѣнилъ « клятвамъ, чести и опечеченію; не льстись, чтобы « Артуръ сдѣлался столько « же гнуснымъ, сколько ты « подлъ въ глазахъ его. »

Такая вспычивость не могла не имѣть горестныхъ послѣдствій. Оба они, разрывая мгновенно связывавшія ихъ узы, дыша ненавистью и мщеніемъ, напали съ яростію другъ на друга, и каждый изъ нихъ за ничто посмавлялъ лишиться жизни, только бы отнять ее и у соперника своего.

Артуръ былъ опасно раненъ, и лишаясь уже силъ, такъ удачно прокололъ руку Монроза,

что у него выпала шпага. Онъ слишкомъ былъ великодушень чшобы воспользо-
 ваться симъ обстоятельствомъ, и возвращая ему шпагу
 вскричалъ: — « хочя пы и
 « не просишь о жизни, но не
 « хочу тебя лишить ее; жи-
 « ви и носи должное тебѣ по-
 « руганіе; оскорбленный на-
 « родъ презираетъ тебя.....»

Молодой влюбленный Мон-
 розъ былъ у ногъ милой Фан-
 ни, когда раненаго и окрова-
 вленнаго Аршура принесли
 домой.

Любовники испрашенные симъ
 зрѣлищемъ спѣшили къ нему
 на встрѣчу. . . . Взглядъ на
 молодаго челоѣка оживляетъ
 спараго Аршура. « Не подхо-
 ди ко мнѣ, сказалъ онъ ему;
 я лучше умру, чѣмъ приму

помощь отъ сына гнуснѣйшаго
измѣнника! . . . Выйди отсюда,
и если не хочешь испытать
пязгоспи моего гнѣва, не смѣй
сюда являться.

Какое ужасное приказаніе
для любовника, который да-
же мысленно не оскорблялъ
Сирь Аршура. Всякой другой
испыталъ бы пошчасъ мщеніе
молодаго Монроза; но Аршуръ
былъ отецъ Фанни, котораго
онъ всегда любилъ и почиталъ
на равнѣ съ своимъ отцомъ, и
котораго теперь видѣлъ уми-
рающаго. Онъ упалъ къ ногамъ
его и просилъ изъяснить го-
респную загадку.

« Выйди вонъ несчастный,
ты дома узнаешь что такое,
отвѣчай непримиримый Ар-
шуръ.

Лѣкаръ приходомъ своимъ прервалъ разговоръ ихъ.

Раненый не хотѣлъ позволить при Монрозѣ осмопрѣть раны свои. Монрозъ вышелъ, а бѣдная Фанни удивленная и опечаленная такимъ произшествіемъ, не смѣла не только просить за него но и пребыть ошъ опца своего истолкованія горесшной сей перемѣны.

Кто изобразить ужась ее, когда она узнала какою рукою нанесень ему ударъ и какая была причина ссоры. Никогда ни чье сердце не было такъ волнуемо опчаянїемъ и горесшю.

Она знала опца своего. Несмотря на нѣжность и чеспность свою, еспьли онъ помипаль гнѣвъ свой правед-

нымъ, тогда онъ не имѣлъ уже границъ; швердь въ дружбѣ къ предмету оной досшойному, онъ въ цѣлую жизнь не прощаль тому, кто его обманешь.

Она чувствовала что и Сирь Монрозъ былъ сколько же раздраженъ, и куда бѣдная Фанни ни обращала взоры свои, видѣла въ будущемъ только вѣчную разлуку съ своимъ любезнымъ.

Едва перевязали раны Сирь Арпура, какъ онъ спрожайшимъ образомъ запретилъ своимъ служителямъ имѣть сношеніе съ служителями своего непріятеля, не пускать въ домъ молодого Монроза, не принимать писемъ и его посланій. . . . А ты, сказалъ онъ своей дочери, помни, что я

запрещаю тебѣ и думать о
сынѣ шоль гнуснаго отца! не
смѣй съ нимъ переписываться
ся; а еслили я узнаю, что ты
такъ подла и такъ меня не-
навидишь, что захочешь ме-
ня обманывать для подосной-
наго своего любовника, я пош-
часъ перестану быть отцомъ
твоимъ, ославлю тебя какъ
незнокую, и предаму на жерт-
ву ужаснѣйшей нищеты.

Фанни, одними слезами опи-
вѣчала на ужасныя слова сіи
Грозный Артуръ пребоваль
однакожь отвѣта Плачь,
вскричалъ онъ, но чтобъ это
было при мнѣ въ послѣднѣй
разъ! Отвѣчай, будешь ли
мнѣ послушна? или оставь
меня на вѣки.

Нещастная Фанни устращен-
ная его угрозами, почти уми-

рая отвѣчала, что пощипана повинуваться.

Опець, видя чрезмѣрную ея горесть, сомнѣвался въ вѣрности обѣщанія, и боясь чѣмъ должностъ не уступила скоро мѣсто любви, перемѣнилъ мысли . . Ты и прошивъ воли будешь мнѣ повинуваться, ска- залъ онъ. . . . Сей часъ спунай въ деревню; шепка твоя будешь отвѣчать мнѣ за тебя. За сѣно миль отсюда, я все буду думать, что ты слишкомъ близко отъ сына непримири- маго врага моего.

На другой день, несмотря ни на ужасы зимы, ни на слезы и оторченіе бѣдной Фанни, она должна была отправиться въ Сѣверную Англію, чѣмъ въ древнемъ замкѣ жить подъ законами шепки, старой дѣ-

вушки по неволѣ щеславной, небогатой, жеманной, и кошорая ко всѣмъ недоспапкамъ себѣ подобной, присоединяла злобный нравъ.

Невозможно описать того что чувствовала бѣдная Фанни во время своего путешествія и по прибытїи въ назначенное ей уединеніе.

Вмѣсто разнообразныхъ удовольствій богатой Сплицы, вмѣсто еще сладостнѣйшихъ удовольствій въ обществѣ любиматаго человѣка, копорый ежеминутно спановился драгоценнѣе ея сердцу, она должна была бродить по мрачнымъ полуразвалившимся галлереямъ подъ обрушивающимися сводами, гдѣ эхо повпоря ея вздохи, дѣлало ихъ еще горестнѣйшими! . . . Все

ея общество соспояло изъ одной ея шепки, копорая безпрешанно возставала на любовь и на неблагоприснойносипь нынѣшняго вѣка, изъ спарика и спарухи вѣкъ свой проведенныхъ въ замкѣ, копорый они оберегали, и изъ огромной собаки, копорая сполько же для общества была пригодна, какъ изъ копорыхъ она оберегала.

Естьли Фанни отворяла окно, по древнїя нни, лишенныя зелени, изображали ей ея положенїе. . . . Древность и зима, говорила она въздыхая, лишающъ ихъ листьевъ, несчастїе лишило меня всѣхъ радостей! . . . Весна оживитъ природу; зелень опять покажется, но Монроза со мною не будеть Я всего лиши-

лась : даже надежды ! . . . Боже ! поддержи его швердоспъ ; еспьли она равняется съ моею , по вѣрояшно время испребишь ненависпъ родипелей нашихъ ; можеспъ быспъ наши нещаспїи и постоянспво любви нашей ихъ пронупъ . Впрочемъ мы молоды , — а я чувспвую , что любовь наша развѣ съ жи-знію прекрапится , слѣдова-тельно имѣемъ надежду пере-жить ихъ .

Такіе утѣщительныя раз-мышленїи давали Фанни силу сносить горести и скуку своего положенїя .

Она удивлялась иногда тому , что подруги , на дружбу копо-рыхъ она всегда надѣялась , и копорымъ извѣспна была спраспъ ее къ Монрозу , не забошались о ней въ започенїи

и не извѣщали о наспоющихъ чувствованіяхъ ея любезнаго, о томъ какъ онъ сносишь разлуку, и не утѣшали ея своими письмами; словомъ: она почитала себя отъ всѣхъ оставленною.

Но опасеніи ея оканчивались когда она размышляла о наспоющемъ расположеніи отца своего, о спрогоспи шепки, и о томъ, что она необходимостію почитала отвлечь ее отъ Монроза. Тогда она видѣла, что всякая переписка, въ которой бы упоминалось о несчастномъ любовникѣ, была невозможна.

Ее подозрѣніи обратились въ увѣреніе, когда входя однажды по лѣстницѣ, она нашла доскупокъ бумаги, и успуя любопытству, подняла

его Какъ она удивилась, увидя, что онъ былъ долго ношень, и что черпы знакомой ей руки почти уже на немъ сперлись; она могла однакожь разобратъ слѣдующія слова:

. . . . « Какимъ бы я ни подвергался опасностямъ, будь увѣрена, что нѣтъ въ мѣрѣ силы человѣческой, которая могла бы опвлечь меня отъ милой Фанни не измѣняй мнѣ, и можешь быть скоро »

Она не могла прочитатъ болѣе, но и того было довольно чтобы доказатъ, сколь несправедливо она подозрѣвала своего любовника; спроки сѣи нѣкоторымъ образомъ упишили горесѣ ея.

Три уже мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ она помилась

у своей шепки; наступившая весна позволяла ей гулять по саду, и она избрала мѣсто по своимъ размышленій отдаленную бѣседку.

Однажды она сидѣла погружена въ горестныя мысли. Вдругъ рука протянулась сквозь вѣтки, и бросивъ передъ нею письмо исчезла.

Удивленная и испуганная Фанни закричала и хотѣла бѣжать. . . . Но надпись письма сдѣланная крупными литерами попавшись ей въ глаза, и она несмотря на опасность османилась, чтобы поспарашься узнать кто принесъ письмо, но уже было поздно; податель перескочилъ черезъ заборъ — и узнать его было невозможно.

Возвратясь въ бѣседку, она съ жадностію прочишала слѣдующія строки: «Я не въ силахъ жить долѣе въ разлукѣ съ милою Фанни, и чшобъ она не сомнѣвалась въ томъ что разлука могла ослабить любовь мою, возвращаюсь съ сердцемъ столько же снрасннымъ какъ и прежде, и хочу посовѣтовать съ нею какія должно принять мѣры чшобъ впредь удары судьбы не могли болѣе разлучить насъ. Естьли ты, любезная Фанни, прочишаешь письмо мое, то узнаешь, что я наконецъ проникъ въ этотъ садъ; но боюсь остаться въ немъ долго, чшобъ не подвергнушь тебя опасности и не разрушишь въ одну минуту всѣхъ надеждъ моихъ! . . . Ночь будетъ благо-

пріятнѣе. . . . Есѣли ты меня любишь, то постарайся, когда всѣ заснутъ, на одинъ часъ только оставитъ сонъ, и на концѣ жасминной аллеи, найдешь вѣрнаго и неперѣливаго *Монроза*. »

Хотя Фанни и восхищалась шѣмъ, что другъ любилъ ее какъ прежде, но пятоспное воспоминаніе оправляло сію радость. Ужасная собака, которую никто приласканъ не могъ, и которую каждый вечеръ спускали съ цѣни, могла встрѣтитъ ее любовника.

Есѣли Монрозъ и не будетъ укушенъ жѣстокимъ живошнымъ, то лай ее разбудитъ снарика живущаго въ замкѣ, а онъ ударитъ въ набашъ и сберетъ всѣхъ крестьянъ Сирь Арпура, тогда Монрозу не-

возможно будетъ . . . избѣжать
опъ поисковъ ихъ.

Что дѣлать въ такомъ ужа-
сномъ положеніи? Бѣдная Фан-
ни того не знала. . . . Сколь-
ко разъ обвиняла она любов-
ника своего въ неосторожно-
сти. . . . Для чего побоял-
ся онъ говорить съ нею! . . .
Боже мой! вскричала она,
все, даже самая любовь, воз-
спаешь прошивъ меня?

Но всѣ жалобы ея были на-
прасны! гдѣ отыскать Мон-
роза? . . . Пусть посудятъ
о ея горестномъ положеніи.

Наконецъ любовь сжалилась
надъ нею. . . . Козленокъ лѣ-
жавшій въ кухнѣ, котораго
въ шопъ самый день для сто-
ла убили, внушилъ ей хи-
щросшь. Она взяла его, спря-
чала въ своей горницѣ и рѣ-

шилась уюстребитьъ при случаѣ.

Наслунилъ часъ когда всѣ заснули въ замкѣ. Дрожащая Фанни пошла въ садъ съ козленкомъ въ рукахъ, тихонько отворила двери, подозвала собаку, и приманивъ въ сѣни, отдала мясо; тогда заперши ее въ сѣняхъ побѣжала на встрѣчу къ Монрозу, котораго при лунномъ свѣтѣ замѣпила на вершинѣ сѣбны.

Любезный Монрозъ! вскричала она, возвратись назадъ; ступай на переднюю сторону замка; пашъ ты можешь войти въ окно. Естли жизнь моя тебѣ драгоцѣнна, никогда не перелѣзай черезъ эптопъ заборъ.

Какъ скоро Монрозъ ушелъ, Фанни отворила сѣни, выгна-

ла собаку съ ее добычею въ садъ, а сама пошла къ окну гдѣ уже ожидалъ ее любовникъ, который принялъ ее съ восторгами, коихъ пріятности одной истинной любви извѣстны.

Какъ скоро они немного успокоились, Фанни разсказала ему, почему не позволила войти въ садъ, и спрашивала о томъ, что происходило въ ихъ семействахъ со времени ихъ разлуки.

Любезная Фанни, отвѣчала опъ обнявъ ее съ нѣжностію, эша повѣсть продолжительна, а можешь быть мы не можемъ долго побыть вмѣстѣ.
Если ты также какъ и я чувствуешь драгоцѣнность сихъ мгновений, то мы употребимъ ихъ на то, чтобы

взыскать способъ какъ бы впрядь не разлучаюсь.

Но Фанни желая нетерпѣливо знать всѣ его происшествiя, сказала, что онъ можешь пробывать у нее до разсвѣта, потому что горницы пешки ея, и жилище спорожей совсѣмъ въ другой стнорнѣ, и они помѣшашь имъ не могутъ. Морозъ хощя и несохощно, но слѣдующимъ образомъ началъ повѣсть свою:

« Хощя поспупки отца пвоего со мною, копорымъ ты была свидѣшельницею, и положенiе его, ясно показывали истину ужаснаго происшествiя, но возращясь домой я еще болѣе въ ней увѣрился.

Меня встрѣшилъ дома старый служитель, и едва увидѣлъ меня, какъ закричалъ:

« Ахъ сударь, естѣли копипѣ батюшку заспапѣ живаго то поспѣшипе; Сирь Аршурь убилъ добраго нашего госпедина! . . . »

Признаюсь, милая Фанни, что въ эту минушу одинъ голосъ природы раздался въ душѣ моей; я безъ содроганія не могъ вообразити опца пво-его. . . . Я побѣжалъ въ горницу въ моему опцу, и сначала думалъ, что слова служишеля справедливы. Онъ лѣжалъ въ постелѣ безмолвень и бездыханень: я думалъ, что онъ уже скончался, но онъ былъ только въ обморокѣ. Черезъ нѣсколько минушь глаза его открылись, онъ хотѣлъ говорить со мною, но не имѣлъ голоса.

Самый искусный изъ лѣкарей

его сказалъ мнѣ, что раны его несмертельны, и что одна только большая потеря крови дѣлала ихъ опасными. Лѣкаръ былъ правъ; бабюшка сналъ хорошо и на другой день былъ въ соспояннїи говоришь со мною.

Онъ мнѣ описалъ все происшествїе съ такимъ хладнокровїемъ, котораго я и теперь понять не могу; потомъ взявъ меня снремительно за руку сказалъ мнѣ: ты долженъ чувствовашъ, сынъ мой, къ нанесшему мнѣ оскорбленїе одинакую со мною ненависть. . . . Дочь его была тебѣ любезна, я это знаю: но откажись ошь нее пролиная имъ кровь моя, честь и опецъ швой повелѣваюшь тебѣ это.

Я не могъ ошвѣчашъ на при-

казаніе , которое опвергало сердце мое , а боязнь раздражилъ его въ опасномъ положеніи , заспавила меня избрашь средній путь , и я сказаь , что его враговъ всегда буду почиташь своими . . . Это обѣщаніе легко было мнѣ сдѣлать , пошому что милая моя Фанни не участвовала въ поступкѣ опца своего , и что она слишкомъ была великодушна , чтобы ненавидѣть опца своего любезнаго . .

Батюшка казался довольнымъ моимъ опвѣщомъ , но черезъ нѣсколько времени я замѣпилъ , что онъ проникъ двусмысленность онаго , и чтобы мѣшатель мнѣ видѣлся съ побою , онъ приказалъ мнѣ день и ночь опъ себя не оплучашься .

Оспавшись однажды на единѣ

со мною онъ сказалъ мнѣ: размышлялъ ли ты о гнусности Аршурова поступка, и о томъ, сколько ты долженъ ненавидѣшь его и все его семейство? ... Если ты повинешься мнѣ, то нечего повторять чѣмъ ты не видался съ Фанни: ты знаешь свои обязанности, и я увѣренъ что исполнишь ихъ.

Я просилъ его тогда разсудить, что какъ бы ни виновень былъ передъ нимъ Сиръ Аршуръ, однакожь Фанни не могла участвовати въ его преступленіи. Я представилъ ему со всею живостию и нѣжнымъ краснорѣчіемъ, одушевляющаго меня, чувства, сколько будетъ горестно и прудно, если не совсѣмъ невозможно для сердца моего лишиться на-

дежды, которую онъ самъ всегда старался поддерживать!... Но чувство мщенія преодолѣвало въ немъ всякое другое чувство, и взоръ, въ которомъ блиспали гнѣвъ и ненависть, предвозвѣспилъ мнѣ отвѣтъ его. « Оспавь всякую надежду, вскричалъ онъ, она никогда не будетъ твоею супругою; а еспьли и будетъ, то не осмѣливайся называть меня опцемъ своимъ. »

Послѣднiя еiи слова шѣмъ болѣе меня огорчили, что никто изъ служителей Сиръ Аршура не могъ сказать мнѣ куда ты дѣвалась; можетъ бышь они боялись преспуити приказанiи своего господина.

Наконецъ старая служанка сказала мнѣ, что ты опправлена въ здѣшнiй замокъ

подъ строгой присмотръ старой своей шетки, и что нѣтъ возможности доставлять къ себѣ письма.

Я потчасъ рѣшился пуститься на все, чтобъ видѣться съ шобою, къ чему и принялъ нужныя мѣры. Я искалъ только предлога отпроситься на нѣсколько дней, какъ меня позвали къ бабюшкѣ.

« Государь мой, сказалъ онъ мнѣ сердито и не смотря на меня, пресупное упрямство ваше прошивъ меня, и то, что я знаю о вашихъ поступкахъ, которыя вы почиаете тайными, заставляють меня изгнать васъ изъ моего правосудствія до шѣхъ поръ, когда ваша покорность, которую я узнаю по будущему вашему поведенію, сдѣлаеть васъ до-

споймь живь со мною. . . .
 Не смѣй, продолжалъ онъ, видя
 что я хочу отвѣчать ему,
 не смѣй, — пропивоорѣчишь, все
 готово къ своему отвѣзду,
 и ты сей часъ поѣдешь и
 удалишься отъ предмета, ко-
 торый ввергнешь тебя въ по-
 тибель, если долѣе будешь
 о немъ думать. »

Говоря такимъ образомъ,
 Сиръ Монрозъ позвонилъ и
 поспѣшь вошли въ горницу
 важный дворянинъ, котораго
 я никогда не видывалъ, и
 старый камердинеръ.

« Этотъ господинъ будетъ
 твоимъ переводчикомъ, про-
 должалъ баюшка; слушай его
 также какъ бы и меня; а чтобъ
 доказать тебѣ что я еще
 помню, что ты мнѣ сынъ, оп-
 даю тебѣ въ услуженіе Фран-

циска , и буду пересылать
 сполько денегъ , чшобъ ты
 могъ жить сообразно имени
 и званію своему. »

Суди, милая Фанни, какъ я
 удивился и смѣшался услышавъ
 такое приказаніе! предснавъ
 себѣ мое положеніе въ эту
 жестокую минушу! Зная
 бапюшку, не лзя было думатьъ
 о переменѣ его намѣреній: я
 припворился въ томъ что
 охотно ему повинуюсь, но видѣ
 мой конечно доказываль, сколь-
 ко его воля была прошивна мо-
 ему сердцу.

Коляска была готова; я про-
 спясь съ опцемъ моимъ, по-
 шель въ свою горницу, гдѣ
 все было уложено, исключая
 дорожнаго плашья, которое я
 надѣлъ нехотя, и мы поѣхали.

Такимъ образомъ я оставилъ

домъ родительскій безъ всякаго пріугошвленія; мнѣ не позволено было говорить ни съ кѣмъ, ниже проспиться съ сестрою моею Амалією; я даже не зналъ куда везуть меня.

Наставникъ мой, во все время путешествія и даже всю бытность свою, обходился со мною, съ такою кротостію, вѣжливостію и уваженіемъ, что я почти началъ любить его.

Одинъ только разъ, и по моему бытію изъ угожденія къ бабюшкѣ, онъ началъ мнѣ говорить о сыновнихъ обязанностяхъ, и опасностяхъ въ которые ввергается молодой человекъ слѣпо предаваясь страстямъ своимъ, и не дѣлая усилій чтобъ преодолѣть ихъ когда нужда того потребуетъ. . . . Вы меня обяжете,

отвѣчалъ я перерывъ слова его, есѣли не будете впередъ говорить о этомъ предметѣ: — чѣобъ забыть заблужденіи, не должно напоминать о нихъ. Онъ замолчалъ и никогда уже не возобновлялъ своихъ наславленій.

Я скоро примѣнилъ что мы ѣдемъ въ Дувръ, откуда переѣхали въ Кале, гдѣ я остановила за шѣмъ полъко, чѣобъ написашъ къ тебѣ, моя милая, хопя и не надѣялся чѣобъ ты получила письмо мое.

Наконецъ мы пріѣхали въ Парижъ. Есѣлибъ разлука съ побюю не лишила меня желаній веселишся, то конечно великолѣпіе сей столицы, разнообразность удовольствій и привѣшливость жишелей къ иностранцамъ, доставили бы

миѢ множество разсѣянній. Но я былъ во Франціи милая, Фанни! а сердце, душа и всѢ помысленіи мои оспались въ Англіи! я занимался, одной побою, и способами какъ бы разорвать узы удерживавшіе меня далеко опъ моей любезной.

Узнавъ опъ моего наставника, что мы скоро должны отправиться въ Италію, я рѣшился, доколѢ не былъ еще далеко опъ Англіи, оставить его, что было удобнѣе сдѣлать въ ПарижѢ, нежели въ другомъ какомъ мѣстѢ. Впрочемъ зная порядочно по Французски, а не понимая по Италіански, я рѣшился произвести въ дѣйствіе мое намѣреніе, чему способствовала болѣзнь

моего — наставника. Я сдѣлала Франциску нѣсколько пустыхъ порученій, и отдаливъ его такимъ образомъ, пошелъ на почтовой дворъ, и въ почтовой каретѣ прїѣхала въ Діеншъ, а черезъ два дни приплыла въ Рейдъ въ Суссекскомъ Графствѣ.

Вотъ, любезная Фанни, всѣ мои приключенія съ того ужаснаго дня, который разлучила насъ. . . . Что съ тобою случилось, я это знаю, или по крайней мѣрѣ подразумѣваю: и я надѣюсь, что въ другое свободнѣйшее время ты мнѣ не откажешь разсказать все обстоятельно, а теперь напрасно мы будемъ терять драгоценное для насъ время. . . . Теперь, прошу тебя, подтверди тысячу разъ по-

впоренныя кляпвы, — не при-
 надыжашь никому исключая
 Мороза. всёшь жерпвовашь
 и жившь для того только чшобъ
 любить его? ~~Кстати~~ мы
 соединимся свящынными узамъ,
 по чего намъ бояться роди-
 телей своихъ? ешь ты и запо-
 ны намъ будуть покровитель-
 ствовашь, по чего намъ бояль-
 ся? Можетъ бышь со-
 юзь нашъ ешь единственый
 способъ сблизить наши семей-
 ства. ~~Каждый изъ насъ~~ —
 столь же вредитъ для любви
 нашей, какъ и для опечества.

« Чего ты пребуешь?
 вскричала Фанни съ ужасомъ.
 Чшобъ ны слѣдовала за вѣж-
 нымъ любовникомъ, за супру-
 гомъ. Время удобно, не долж-
 но терять случая; кажется
 само Нобо намъ благопріятно»

сшвуеть. — Ахъ! естѣли гонители наши узнають, что страсть не превозмогла всѣхъ преляшествіи? вообрази яроеть ихъ! Мы тогда разлучимся на вѣки. — Напрошивъ, милая Фанни, какъ скоро бракъ соединитъ насъ, то они должны будутъ согласиться на то, что ненависть ихъ воспрещаетъ намъ, и мы предупредимъ всѣхъ намѣреніи ихъ гнѣва.»

Фанни догло не могла ни на что рѣшиться; но доказательства молодого Монроза, внушенныя ему нѣжнѣйшею страстию, и слабостъ самой Фанни, копорой любовь все показывала возможнымъ, заставили ее согласиться. Они назначили слѣдующую ночь къ побѣгу и ничто имъ не воспрепятствовало.

Хотя лошадь Монрозова была опшмѣнно сильна, но ушомилась подѣ двойною тягоспью, пошому что и Фанни на ней ѣхала; почему на разсвѣшѣ пушешественники принуждены были остановишсь на постшояломѣ дворѣ, чшобѣ дашъ ей отдохнушъ.

Казалось все до сихъ порѣ спосшѣшесшвовало желаніямъ любовниковѣ, и они спокойно разговаривали о близости своего щасшїя, которое, казалось, по прибышїи въ Лондонѣ не должно было бышъ ни чѣмѣ возмущаемо; какъ вдругъ бесѣда ихъ была вспревожена прибышїемъ на дворѣ многочисленныхъ экипажей. Монрозѣ взглянулѣ въ окно, но отскочивѣ съ ужасомѣ и спремшштельно закрывѣ его, онѣ вскри-

чалъ : Боже мой ! Фанни , предчувствія твои совершились ; это отецъ мой Мы погибли , это онъ самъ ! Конечно мой — наставникъ извѣстивъ его о моемъ бѣгствѣ И онъ преслѣдуетъ насъ !

Фанни услышавъ слова сїи , почти безъ чувствъ упала , а любовникъ ея , утраченный болѣе ея положеніемъ нежели прибытіемъ своего отца , старался помогать ей ; какъ вдругъ Сиръ Монрозъ , копорый по несчастію замѣпилъ своего сына у окошка , вошелъ съ премо изъ своихъ служителей . Возмите его , сказалъ онъ служителямъ ; а ты несчастный , повинуйся ! я вижу что ты считаешь меня смертельнымъ врагомъ своимъ

Чтожь до васъ касается, сударыня, сказалъ онъ Фанни, копорая пришедъ въ себя, обнимала его колѣна не могли выговорить ни слова, я не могу вамъ ничего приказывать... Однакожь поблагодарите вашего родителя за милости дочери, копорую я прежде почиталъ достойною моего сына.

Отецъ жестокой! вскричалъ молодой Монрозъ; лиши меня жизни, я ею тебѣ обязанъ! но уважай добродѣтель, копорой ругается твоя ярость!....

Спарый Монрозъ давъ знакъ чтобъ вывели его сына, въ ужасной ярости сказалъ Фанни: прощайте, сударыня, желаю вамъ болѣе счастья съ другимъ любовникомъ; судя по красотѣ вашей, вамъ въ нихъ не будетъ

недостатка. . . . Но послушайтесь моего наставленія, впередь совѣшуйтесь съ шѣми ошъ кого они зависяшъ.

Сирь Монрозъ и сынъ его отправились шакъ скоро, что бѣдная Фанни не имѣла даже времени отвѣчать: стыдъ, горесъ и отчаянїе терзали сердце ея! . . . едва черезъ два дни она спала въ состоянїи думать о томъ что съ ней будетъ.

Она не могла безъ ужаса подумать о домахъ отца своего и шепки: она въ состоянїи была рѣшиться на все, только бы шуда не возвращаться.

Однакожъ спрахъ сей съ вѣкоторой спорони былъ малѣйшимъ изъ ея несчастїй; жестокость стараго Монроза

заспавляла ее ужасаться поспуковъ его съ сыномъ; а гнѣвъ Сирь Аршура, когда онъ услышишь о побѣгѣ своей дочери съ сыномъ жесточайшаго врага своего, въ невольное приводиль содроганіе о самой себѣ, а особливо естльи оскорбленный отецъ узнаешъ мѣсто гдѣ она скрывается!

Такимъ образомъ прошли восемь гореспныхъ дней, въ которыхъ она ожидала возвращенія слуги; котораго она послала навѣдаться о томъ чпо происходитъ въ домѣ Сирь Монроза. Въ одну ночь она не могла заснуть, и размышляла держа книгу въ рукѣ; не большой спукъ заставиль ее взглянуть на дверь, которая отворяясь тихонько, показала ей любовника ее!

Не пугайся, любезная Фанни, сказала оны сжавъ на колѣна у ея кровати, не шуми, или мы оба погибнемъ! . . . Любовь, боязнь и опчаянче привели меня къ тебѣ: я разрушилъ преграду которую жестокой отецъ думалъ навсегда поставивъ между Монрозомъ и Фанни! . . . Вѣрный Томъ оказалъ мнѣ услугу; его стараніямъ я одолженъ тѣмъ, что теперь съ тобою, и оны же ожидаетъ насъ недалеко отсюда съ двумя лошадьми, которыя отвезутъ насъ туда, гдѣ недостигнемъ до насъ гнѣвъ жестокихъ нашихъ родителей. . . . Поспѣшай, милая, чтобъ новое несчастіе не подвергло насъ опять ихъ мщенію! . . . съ разсѣяномъ отецъ мой замѣшилъ бѣгство мое, и я боюсь опять съ нимъ встрѣшиться! . . .

Фанни слишкомъ была испугана, и слишкомъ много любила Монроза, чѣмъ долго пропивившись его прозвѣвать, которые общее ихъ положеніе показывало ей справедливыми:

Милый Монрозъ, ошвѣчала она, подожди меня у лошадей и ты увидишь люблю ли я тебя.

Въ самомъ дѣлѣ она сдержала слово. . . Въ этотъ разъ любовники были щасливѣе, и безъ всякаго препятствія прѣѣхали въ Лондонъ.

Монрозъ слишкомъ былъ влюбленъ, и слишкомъ боялся чѣмъ опецъ *вдругоредь* невозмушилъ его благополучія, чѣмъ терять время. Какъ скоро опыскалъ онъ себѣ жилище въ опдаленнѣйшей части города, — и получилъ опъ

духовнаго начальства разрѣшеніе на бракъ, тотчасъ женился.

Онъ не напрасно поспѣшалъ, потому что отецъ его замѣтилъ его бѣгство, и угадывая, что онъ взявъ свою любезную, тотчасъ поѣдетъ въ Лондонъ и тамъ женится, самъ поспѣшилъ съ столицу чтобъ воспрепятствовать намѣреніямъ всего сына.

Онъ пришелъ въ ужасный гнѣвъ когда увидѣлъ что его предупредили, и что бракъ совершенъ самымъ законнымъ образомъ.

Черезъ нѣсколько дней гнѣвъ достигъ до высочайшей степени получа отъ сына слѣдующее письмо :

« Любезнѣйшій родитель !

« Вы сами съ малолѣтства всего одобряли привязанность

мою къ любезной и доспойной уваженія Фанни Артуръ; чувства мои такъ сильно укоренились, и такъ слились съ существованіемъ моимъ, что мнѣ равно лишился Фанни, или лишился жизни. Будьте увѣрены любезный батюшка, что ни разлука, ни время, ни ненависть родителей нашихъ, не въ силахъ бы были разстроить союзъ двухъ равно вѣрныхъ любовниковъ, который взаимная спрасъ окончится только съ жизнью. . . .

Если мы не ожидая вашего согласія соединились священнѣйшими узами, на которыя вы, можете быть, когда бы нибудь согласились, по услышите нашу прозьбу, просните несчастныхъ дѣтей своихъ, коихъ извиняетъ и въ которыхъ

образомъ любовь, родившаяся подъ глазами вашими, и заслуживавшая и въкогда ваше одобреніе! . . . Впрочемъ, если ли я долженъ буду и жизни лишиться, будьте увѣрены въ моемъ безиредвѣльномъ повиновеніи и въ ивъжныхъ и почти-шельныхъ чувствованіяхъ почорнаго сына вашего *Монроза.*»

Увѣренность въ бракѣ сына его, не только не упишила, но еще болѣе возбудила гнѣвъ сшараго Монроза. Онъ не могъ дочиташъ всего письма, и изорвавъ его въ мѣлкія часпи, при подашелѣ, сказалъ ему: *Вашъ мой опвѣтъ шому который шебя посылаешъ, я его больше не знаю.*

Фанни въ шомъ же день писавшая къ опцу своему, не лучше получила опвѣтъ.

Сирь Монрозъ не могъ продать имѣнїя безъ согласїя своего наслѣдника ; и пошому заложилъ ихъ поцши въ домъ чего они стояшъ , и радовался тому что раззорилъ своего сына ; а Сирь Аршуръ завѣщанїемъ раздѣлилъ дѣшямъ свое имѣнїе, лиша наслѣдства Фанни.

Скоро несчастныя супруги все это узнали. . . Есльи сїи произшествїи не поколебали взаимной любви ихъ , то сдѣлали большое впечатлѣнїе на прїятелей ихъ, копорыя поспунками своими доказали , что они должны ожидать еще величайшихъ бѣдствїй. Выхваляемая сначала страсшъ ихъ сдѣлалась предметомъ осужденїй : всѣ говорили что они добровольно сдѣлались

нищими, и что хоня родителли сначала и одобряли любовь ихъ, но теперь за дѣлогнѣвающа, видя власнѣ свою пренебреженную дѣльми ихъ.

Монрозъ и Фанни съ горестнѣю видѣли цѣль сихъ пересудовъ. Видя ихъ въ нещаснѣи и безъ надежды лучшаго въ будущемъ, всѣ мало по малу опъ нихъ удалялись, боясь; чшобы они своею бѣдностнѣю не сдѣлались со временемъ въ тягоснѣ друзьямъ своимъ.

Въ самомъ дѣлѣ нужды ихъ были уже велики; чшобы имѣнѣ способы жнпѣ, супруги мало по малу распродали вещи свои; но скоро они оба почувспвова-ли что не возможно имъ под-держивать званѣе свое!
Сѣ размышленѣ заставило ихъ перемѣннѣ жилище; они

наняли самое скромное, почти внѣ города, гдѣ жили одни бѣдные. Долго супруги старались прошивишься бѣдности, но наконецъ должны были покориться законамъ ея. Они съ швердоспїю снесли свое несчастїе, и не умножали его пщепными укоризнами.

Монрозъ спарался умѣшать иѣжную и несчастную свою супругу надеждами, которыхъ онъ самъ не имѣлъ, и чувствоваль что они совершенно неосновательны. Она съ своей стороны то же дѣлала, и каждый изъ нихъ скрывая гореснь свою, боялся показать ее другому; единственна ихъ распря состояла въ томъ чпобъ знашь, который изъ нихъ долженъ опправляшь низкїя должности предоставлен-

ныя слугамъ, которыхъ они содержали были не въ сомнѣннй, и кшо изъ бѣднаго обѣда или ужина долженъ имѣшь меньшую часть.

Наконецъ они дошли до послѣднихъ крайностей, копорымъ подвержено человецество; и копорья едва и самая твердая душа переносишь въ сомнѣннй! . . . Всѣ письма ихъ къ непримиримымъ родителямъ оспавались безъ отвѣсовъ, а естѣли и получали ихъ, по отвѣсы только что умножали ихъ горести.

Нещасныя имѣя еще остатокъ гордости, считали жесточайшею изъ всѣхъ казню прибѣгашъ въ насмоящихъ своихъ общеншельствахъ къ друзьямъ своимъ, и къ родственникамъ которыхъ имѣли въ

Лондонѣ. . . . Любовь и нужда добровольно унижаютъ и самыхъ пвердыхъ людей.

Опчаяный Монрозъ предпочель неизвѣстную нищету и самую низкую должность спыду, унижашься предъ пѣми, опъ кого могъ еще ожидать помощи, еспьлибъ опкрыль имъ свое положеніе.

Опъ закрыль пласпыремъ половиу лица, и переодѣлся пакъ, чшо и сама любовь не узнала бы его и въ то время, когда Фанни исправляла работы приличныя ея полу, несчастный Монрозъ спояль у дверей пракишира, опправляя должность посылащика.

Такимъ - то образомъ несчастныя любовники (коихъ ни супружество, ни нещасїи, не охладили спраспи), ша-

кимъ-то образомъ дѣти знаменитыхъ Сирь Артура и Сирь Монроза, рожденныя въ знатности и изобиліи, воспитанныя съ попеченіями и нѣжностію, увидѣли себя поверженными въ положеніе въ нашъ вѣкъ примѣрное доставать себѣ пропитаніе работою рукъ своихъ.

Но естли такая крайность бѣдствій не охладила пламенной любви ихъ, и незаспавила раскаиваться въ томъ, что они соединились узами брака, то судьба еще гоповила имъ такое испытаніе, которое едва выдержишь душа самая швердая.

Монрозъ споялъ на своемъ мѣснѣ въ то время какъ вышелъ изъ шракшира молодой человекъ и поручилъ ему ош-

нести письмо, за которое и деньги заплашилъ впередъ

Дорогою Монрозъ взглянувъ на письмо, удивился, что оно надписано на имя Миссъ Фанни въ модной лавкѣ Миссъ Фассиль. Къ этой извѣстной торговкѣ супруга его часто ходила относить свою работу.

Невольный прелепъ заставилъ его на минупу остано-
виться. . . . Онъ не могъ по-
вѣрить чтобъ это письмо
писано было къ его супругѣ,
но непреодолимое любопытство
заставляло его желать
узнать то, что оно заклю-
чаетъ.

Сначала онъ отвергъ мысль
сю, краснѣль ошъ своихъ
подозрѣній, упрекаль себя
въ нихъ какъ въ преступ-

леи, но не могъ преодолѣть себя. . . . Что можешь имѣть общаго, думалъ онъ, эшошь неизвѣстный мнѣ человекъ съ моею женою? гдѣ онъ могъ познакомиться съ нею? Какія шайныя выгоды заспаваляли ихъ переписываться? . . . И такъ, милая вѣрная Фанни, кошорой сердце до того времени было ему открыто, имѣла онъ него шайны? . . . Конечно (ужасная мысль) у эшой шорговки, у кошорой она была два или три раза въ одну недѣлю, они познакомились. . . . Эшо размышленіе преодолѣло другія и онъ распечатавъ письмо съ прешешомъ прочишалъ слѣдующее:

« Наконецъ ты согласна, моя любезная! любовь и чувство « собшвенныхъ швоихъ веща-

« стій торжесивуююпъ надъ
 « пвоими онасеніями, и за-
 « спавляюшъ шебя оставишъ
 « человѣка, котораго цѣль со-
 « единяясь съ тобой ешъ усу-
 « губишъ пвои бѣдспвіи. . . .
 « Будь увѣрена, что я приду
 « на назначенное мѣсто, и я
 « увѣренъ, что освободясь опъ
 « ига недостойнаго супруга
 « и участвую въ удовольствіи-
 « яхъ, на которыя молодоснъ
 « и красота пвоя даюшъ шебѣ
 « всякое право, ты болѣе не
 « усумнишься въ чувспивованіи-
 « яхъ вѣрнаго Кингстона.»

P.S. « Ешъли до свиданія
 « нашего вамъ нужно будешъ
 « что нибудь дашь мнѣ знашь,
 « то положишесь на шор-
 « говку. »

Эпо письмо могло оправ-
 дашь величайшій гнѣвъ Мон-

роза. Наружности такъ была явны, что Монрозъ несомнѣвался въ томъ чтобъ оно не было писано къ женѣ его. . . .
 Несчастное ея положеніе
 имя имя торговки у копорой она часто бывала . . . все ясно показывало что дѣло шло о его Фанни!

Пристыженный и опчаянный тою мыслию, что предметъ чистѣйшаго его обожанія, который онъ почиталъ одушевленною невинностію, онъ опять перечиталъ ужасное письмо и еще десять разъ перечитывалъ его, спараясь найти какое нибудь слово, какое нибудь выраженіе, которое подало бы ему нѣкъ надежды въ томъ что онъ ошибся. . . . Но ахъ! чѣмъ болѣе онъ читалъ его, чѣмъ болѣе

взвѣшивалъ всякое слово, тѣмъ болѣе удосновлялся въ томъ что его несчастіе и преступленіе его супруги были неопровержимыя испинны.

Сначала сердце Монроза раздѣлено было между опчаяніемъ и яростію; но наконецъ послѣднѣе чувство превозмогло все. Пламеннѣйшая любовь скорѣе всего обращается въ ненависть.

Разсуждая о ужасномъ намѣреніи которое онъ обдумывалъ, Монрозъ свернулъ письмо и отдалъ его торговкѣ; возвратясь опшуда въ пракпиръ, онъ оевѣдомился о наспоащемъ имени того кто отдалъ ему письмо и узналъ, что его почно зовутъ Кингспономъ; что онъ дворянинъ и богатъ; попомъ узнавъ о его жилищѣ,

нещастный вышелъ изъ города, чинобъ размышляя о свободѣ о томъ что ему осмѣаешся дѣлать.

Долго раземашириваль онъ причину ешоль ужаснаго нещастїи. . . . Вѣроятно, думаль онъ, она разкала наши бѣдствїи торговкѣ: сообщая свое горе другому кажется будто оно облегчается. Сначала Фанни старалась только возбудить сожалѣнїе этой женщины, копорая показывая состраданїе, наконецъ узнала всю нашу тайну и бѣдствїи. . . . разкала ихъ Кингстону. . . . копорый увидя ее нашель прекрасною. . . . сдѣлазь предложенїи. . . . копорыя обольспили невѣрную. . . . О! мой и ее срамъ не сомнѣнны: но я одинъ чув-

спвою ужасъ положенія въ которое ввергла меня нещасная любовь, въ то время какъ невѣрная упоная въ удовольствіяхъ, спянешь можешь бышь руганься моему легко-вѣрїю.

Коварная Фанни! это ли твое мужество? это ли твоя опкровенность? я всѣмъ тебѣ пожертвовалъ и вошь моя награда?

Сипенанія его продолжались цѣлый день. Къ вечеру онъ принялъ на себя спокойный видъ, и въ обыкновенное время возвратился домой. Но всѣ его усилія были тщетны; онъ не умѣлъ съ Фанни припряться, и она шотчасъ замѣтила что онъ скрываетъ какую нибудь новую горесть. Она старалась узнать ее и не по-

Фрида улыбка подь кошорою онъ старался скрывать свое огорченіе, напротивъ удвоила усиліи, и просила не увеличивать свои горести скрывая ихъ. Всѣ шруды ея были щещны; Фанни не спала ночь и замѣшила что и Монрозъ провель ея въ слезахъ и воздыханіяхъ, кошорыя щещно скрывать старался.

На другой день по упру Монрозъ вскочиль съ постели, и одѣвшись въ плашье, кошорое сохраниль не смопря на свою бѣдность, надѣль шпагу и сказаь: чувспвую что я сынъ Монроза! . . . на что несчастной я опрекался опъ сего имени.

Грозный видъ Монроза, и ярость еъ кошорою онъ про-

изнесъ сіи слова, застави-
ли Фанни пролишь источникъ
слезъ; но онъ не хотѣлъ ихъ
замѣтить и ушелъ не говоря
ни слова.

Кинжалъ въ сердцѣ Фанни
былъ бы для нее сноснѣя...
Она въ первый разъ почув-
ствовала всю тяжесть своихъ
бѣдствій.

Монрозъ вошедши въ бли-
жайшій шпакширъ послалъ оп-
шуда слѣдующую записку къ
Кингспону:

« Еспьли вы сполькожъ смѣ-
« лы, сколько прошивъ меня
« виновны, по черезъ часъ при-
« ходите на лугъ за домомъ
« *Монтело*, гдѣ надѣюсь на-
« казать васъ за безчестіе
« Фанни. Таковая ссора не
« пребуеть свидѣтелей... Я
« буду одинъ и васъ дожидаю
« однихъ. »

Записка сія опнесена была пракширнымъ служителемъ, который принесъ слѣдующій отвѣтъ :

« Хотя бы я могъ и не оп-
 « вѣчать на вызовъ, который
 « не смѣли или стыдились под-
 « писать. однако же, шакъ какъ
 « вы меня обвиняете напрасно,
 « по я гошовъ оимспинъ за
 « оклеветаніе ~~васъ~~ которую
 « уважаю. И шакъ вы ~~видите~~
 « меня въ назначенномъ ~~объ~~
 « васъ мѣспѣ и въ назначенное
 « время. *Кингстонъ.* »

Монрозъ слишкомъ былъ раздраженъ чтобъ не прійти прежде условленнаго часа. Но скоро пошомъ пришелъ Кингстонъ, который видя совсѣмъ неизвѣстнаго ему человека сказалъ : « Позвольте мнѣ, государь мой, спросить васъ,

« почему встрѣпясь съ вами
 « въ первый разъ въ жизни,
 « я обязанъ отдавать вамъ
 « ошечепъ въ моихъ поспун-
 « кахъ? »

Всякій честный человекъ,
 опвѣчалъ Монрозъ гордо,
 имѣетъ право наказывать не-
 справедливости, а я болѣе
 другаго имѣю это право,
 бывъ другомъ и родственни-
 комъ супруга Фанни . . . защи-
 щайся . . . я пришелъ сюда
 не для разговоровъ.

Они толчасъ начали драпъ-
 ся . . . и Монрозъ ранивъ и
 обезоружа своего непріяншеля,
 оставляя его замертво на мѣ-
 спѣ, сказалъ ему: узнай, уми-
 рая, что ты наказанъ рукою
 оскорбленнаго супруга Фанни,
 который сей часъ довершилъ
 свое мщеніе.

Напрасно Кингстонъ звалъ его назадъ; Монрозъ былъ уже далеко и возвращаясь въ городъ, онъ зашелъ въ аптеку, гдѣ купилъ яду, подъ шѣмъ видомъ, что хотѣлъ испробить вредныхъ живописныхъ въ домѣ своемъ.

Фанни, огорченная поступками своего супруга, старалась отыскать причину оныхъ. . . . Боже мой! вскричала она въ ту минуту когда онъ возвращался, уже ли Монрозъ пересталъ любить меня! . . . избавь меня отъ сего бѣдствія, а всѣ другія я перенесу перпѣливо.

Раздраженный и опчаянный видъ его, ничего хорошаго не обѣщалъ бѣдной Фанни; она видѣла только, что — то

странное происходить въ серд-
де ея супруга.

Что съ побойо сдѣлалось,
сказала она бросясь въ его
объясни, какую ужасную тайну
ты опъ меня скрываешь?

Въ самомъ дѣлѣ ужасную,
отвѣчала Монрозъ отступая
съ отвращеніемъ. Но вы
скоро ее узнаете. Сперва
примите это (шупъ онъ по-
далъ ей въ стаканѣ жидкостъ
купленную въ аптекѣ), увѣряю
что это полезное для васъ
лѣкарство.

Для меня! сказала она со-
дрогаясь. . . . что ты пред-
принимаешь? у меня одна
только болѣзнь твои
спраданія? — Очень хорошо,
но выпей подарокъ мужа. — Въ
какомъ случаѣ, хотя бы это
былъ и ядъ, принимай его безъ

роптанія. (Она выпила.) — Конечно это ядъ, невѣрная! но не шуми, или вошь что заспавишь себя молчаешь.

Тутъ блѣдный и пораженный смертельнымъ ужасомъ Монрозъ, вынулъ свою еще окровавленную шпагу и присавилъ къ груди пренециющей Фанни, которая онъ ужаса не могла выговорить ни слова. . . .

Не думай, продолжалъ онъ, чтобъ я боялся пронзить сердце твое, гдѣ я надѣялся что со мною одна обитаешь истина? . . . Нѣтъ, несчастная, ты еще проживешь сколько чтобъ услышала ужасное мое мщеніе. Знай, что твой гнусный соучастникъ, пресупный Кингстонъ, теперь въ царствѣ мершвыхъ хвалится шор-

жествомъ надъ добродѣтелью недоспойной моей супруги . . . ты скоро за нимъ послѣдуешь . . . А я, который не смотря на твою невѣрность, имѣю слабосиь любить тебя больше жизни, и я сей же часъ шѣмъ буду.

Что я слышу? . . . Несчастный супругъ . . . Я измѣнница? . . . Я обманула тебя? . . . Кто этошь Кингсшопъ, котораго я никогда не знала и не видала? . . . — Постой! оспавляя жизнь, не усугубляй своего пресупленія? . . . Смотри, чишай? . . . Вотъ письмо, котораго каждое слово врѣзалось въ моей памяти? Не ты ли получила его у шортовки? Осмѣлишь ли ты сказать нѣтъ, когда я самъ ошдалъ его твоей повѣренной.

Чѣмъ болѣе Монрозъ говорилъ, тѣмъ менѣе Фанни его разумѣла! Но не имѣя другихъ доказательствъ невинности своей, какъ только слезы и сненаніи, она ими еще болѣе раздражила своего супруга и угасила остатки состраданія, которое онъ противъ воли сохранялъ еще къ ней.

Наконецъ она сказала голосомъ, который конечно разсерзалъ бы не столь предубѣжденнаго человѣка: Умирая, я упѣшаюсь тѣмъ, что ненависть твоя приблизила конешъ мой Ты обманушь, любезный, вѣчно любезный Монрозъ Заблужденіе твое стоипъ мнѣ жизни! Небо услышишь молишвы мои, и просишишь себя также какъ

и я прощаю. О помѣ прошу тебя шолько, другъ мой! сохрани жизнь свою, и тогда ты узнаешь невинность супруги, копорая всегда была доспойна тебя!

Слова сіи, произнесенныя голосомъ испины, копорому порокъ подражать не можешь, нѣскольکو поколебали Монроза. . . . Однакожь онъ скрылъ свое замѣшательство; но приняпый ею ядъ началъ сильно дѣйствовать, и ужасныя судороги предвозвѣщали скорую кончину.

Видя несчастную Фанни, блѣдную, борющуюся со смертію, но все еще прекрасную, Монрозъ почувствовалъ сожалѣніе и раскаяніе. Онъ гну-

шался своимъ пресупленіемъ, и скоро наказалъ бы себя, естъльбъ сильный спухъ удверей не остановилъ подышную руку его.

Шестъ или семь челоѡкъ вломились къ нему въ горницу крича: здѣсь, здѣсь. . . . вопъ убійца! Они бросились на него, обезоружили, и не слушая ничего, потащили въ ближайшему мирному судѣ.

Какой ужасъ, какое удивленіе для жестокаго и несчастнаго супруга, онъ въ судѣ узналъ отца своего!

Старикъ ужаснулся увидя единственнаго давно потерянаго сына своего, приведен-

заго какъ убійцу предъ его судилищѣ. . . .

Сирь Монрозъ собралъ всѣ свои силы чѣлобъ притворитъ ся будто не узнаеть его, и началъ допрашивать обвинителя, который былъ искренній другъ Кингстона. Возвращаясь изъ деревни, онъ издали видѣлъ конецъ боя Монроза съ Кингстономъ; но не успѣвъ ни остановить сражающихся, ни поймать убійцу, онъ оставя товарища при раненомъ, слѣдовалъ за Монрозомъ издали, видѣлъ какъ онъ пошелъ въ аншеку, и узнавъ о его жилище, шопчасъ побѣжалъ за караульными.

Тотъ, который оспался при Кингстонѣ, отвезъ его въ домъ

его, и поспѣшилъ къ судьѣ подтвердить обвиненіе своего пріятеля.

Обвиненіи были уже сдѣланы и утверждены по законамъ, но несчастный сынъ судьи еще не опомнился и не говорилъ ни слова, отецъ опдалъ уже приказъ вести его въ темницу, какъ другъ вошелъ Кингспонъ, поддерживаемый двумя слугами.

Въ то время, какъ перевязывали его раны, одинъ изъ его служителей видѣлъ какъ вели Монроза къ судьѣ, и узнавъ въ немъ супруга Миссъ Фанни, объявилъ о томъ своему господину, который не смотря на увѣщаніи лѣкарей, по причинамъ которыхъ мы ско-

ро узваемъ, приказаль неспи
себя къ Сирь Монрозу.

Милоспивый государь ! ска-
заль онъ ему, я пришель сю-
да не обвиняшь, но оправдашь
сына вашето. Конечно онъ ме-
ня раниль; но причину пое-
динка, должно оправдашь его
въ глазахъ всякаго кто зна-
еть честь. . . . Наконецъ мнѣ
кажется, что я узналь эту
причину. Я думаю, что письмо,
копорое я вчерась писалъ къ
нѣкоторой дѣвицѣ Фанни, по-
палось къ нему въ руки, и за-
спавило его подумашъ что я
пишу къ его супругѣ. И такъ
хотя бы раны мои были смер-
пельны, но я охотно прощаю
слѣдспвїи мщенїя, копорое
онъ долженъ былъ почиашъ
справедливымъ; и я надѣюсь,

и по признавшись въ своемъ заблужденіи, онъ согласился.

Никогда! никогда! вскричала Монрозъ въ опчаяніи; естли все что я слышаль справедливо, то я нещасливѣйшій человекъ.

Слова и поступки Кингспона удивляя всѣхъ предстоящихъ, а отвѣтъ Монроза еще увеличаль удивленіе! . . . Но онъ скоро объяснилъ тайну.

О Фанни, бѣдная Фанни! вскричалъ онъ умирающимъ голосомъ. ты невинна, а супругъ твой убилъ тебя!

Онъ еще не кончаль, какъ расшрепанная, полунагая и

опчаянная женщина , вбѣжавъ въ горницу бросилась къ ногамъ судьи. Возвратите мнѣ супруга , кричала она , я не успрашусь съ нимъ вмѣстѣ жесточайшаго заключенія. Ни ваша неумолимая строгость , ни гнѣвъ отца моего , не могушь опказать мнѣ въ этой милости !

Бѣдная и опчаянная Фанни , быстро обращая взоры свои по горницѣ , не замѣтила еще своего супруга ; Монрозъ оставившій ее умирающую , такъ удивился и содрагался увидя ее предъ судилищемъ , что не могъ произнести ни слова , не опвѣчалъ ей и едва держался на ногахъ . Старый Монрозъ сидѣлъ недвижимъ на своемъ мѣстѣ и не зналъ на земь остановить мысли свои ;

зрители пронутыя жалостнымъ и занимапельнымъ симъ произшествіемъ, съ непрерывнымъ ожидали развязки: всѣ различныя сіи движеніи вмѣстѣ съ молчаніемъ ужаса повсюду распроспершимся доставили бы великому Шекспиру явленіе для трагедіи, которое конечно поразило бы сердца зрителей.

Наконецъ Кингстонъ подошелъ къ судѣ упростиъ его чѣмъ оны выслали всѣхъ предстоящихъ.

Тогда супруги, перешедшія отъ ужаса къ восхищенію, бросились въ объятія другъ друга, и въ это время Кингстонъ объяснялъ Сирь Монрозу всю загадку.

« Не правда ли, государь мой, сказала наконец Кингстонъ молодому Монрозу, что письмо надписанное къ Миссъ Фанни, возбудило вашу ревность и вооружило васъ прошивъ меня и прошивъ супруги вашей. — Точно такъ, сударь..... Но хотя шеперь я и увѣренъ совершенно въ невинности жены моей, однакожь напрасно стараюсь проникнуть мракъ этой тайны!

« Сирь Монрозъ, продолжалъ Кингстонъ обращаясь къ старику, вы можете быть помните что возвращаясь изъ путешествій моихъ (сынъ вашъ былъ тогда во Франціи и я совѣмъ не былъ знакомъ съ нимъ) я спрадалъ жестоко, когда я осмѣлился про-

силь руки любезной Амаліи? напрасно я предсавлялъ вамъ дурныя свойства недостойнаго человѣка, котораго вы мнѣ предпочитали, вы не хотѣли измѣнить данному слову, и негодяй сдѣлался супругомъ Амаліи. . . . Всякая другая просила бы о разрывѣ столь гнуснаго брака; но робкая ея добродѣтель всегда бы уважила связующія ея узы, естлибъ скаредная скупость, жестокіе поступки и яростная ревность не принудили ее подать на него жалобу. Нѣкопорыя друзья, узнавъ бѣдствіи несчастной жертвы, открыли мнѣ ихъ. Надежда во мнѣ возродилась, я просилъ ее чпобъ она дала вамъ знать о своемъ положеніи, не сомнѣваясь въ томъ, что любовь

родительская , восприметь всѣ права свои въ такихъ обстоятельствахъ. Долго я не могъ согласить на по Амалію : наконецъ она къ вамъ описала , и можете быть вы теперь уже знаете сколько жалобы ея были основательны. »

Тутъ Кингстонъ на минуточку оспановился , ожидая опвѣта опъ опца , копорый даль знакъ одобришельный , и онъ продолжалъ :

« Уваженіе ея ко мнѣ и необходимости дѣла , заставляли ея иногда писать ко мнѣ ; опасаясь предоспорожностей недоспойнаго супруга , она просила надписывать письма на имя Миссъ Фанни ; и такъ вы видите сколько бы послѣд-

нее мое письмо имѣло дурныхъ слѣдствій для всѣхъ прехъ, есплибъ я шопчасъ умеръ ошъ раны моей!»

Кингстонъ окончилъ свою повѣсть, и былъ остановленъ въ привѣспствіяхъ копорья началъ дѣлашь наспоющей Фанни нѣжнымъ Монрозомъ, копорый стоя на колѣняхъ передъ своею женою, окроплялъ руки ея слезами и съ жаромъ спрашивалъ, какое чудо избавило ее отъ смерти?

Я избавилась отъ нее безъ всякаго чуда, отвѣчала Фанни съ очаровательною улыбкою; аптекарь продавая шебъ ядь, къ щастію ошибся онъ шель за тобою чтобъ узнать твое жилище; а замѣпя свою

ошибку, прибѣжала извѣспить себя о ней, въ самое то время когда себя взяли подъ спражу Лѣкарство, которое онъ далъ мнѣ, уполило боль; а узнавъ отъ него, что себя обвиняюшь въ смертоубійствѣ, я побѣжала за собою; благословляю теперь возвращеніе мое къ жизни, попому что нашла моего Монроза и вижу что онъ еще любитъ меня.

Тутъ супруги оная обнялись. . . . Но вспомня то что находящяся въ присутствіи гордаго Сирь Монроза, упали предъ нимъ на колѣна, и нѣжно испрашивали у него прощенія.

Сердце его уже перемѣнилось: столь жалостное произшествіе пронуло непреклонна-

го старика. Нещасныя слѣдствіи принужденнаго брака его дочери, возродили въ немъ раскаяніе, и онъ радъ былъ тому, что сынъ его имѣлъ твердость его не послушаться . . . Придише, сказалъ онъ просирая къ нимъ объятіи, придише ко мнѣ любезныя и нещасныя дѣти мои! . . . Ваши спраданіи и любовь ваша наконецъ побѣдили отца вашего! . . . Постараюсь, чтобъ нѣжность и благодареніи мои заславили васъ забышь ваши бѣдствіи.

Такимъ образомъ нѣжныя супруги воспоржеслвовали. Все, что гореслпная судьба заславила ихъ испытаніи, довело ихъ до блаженства, о которомъ они уже и помышляшь не смѣливались!

Сирь Монрозъ сердился нѣ- сколько на дочь свою Амалію за то, что она, будучи еще связана союзомъ съ мужемъ своимъ, имѣла сношеніи съ Кингспономъ . . . Но приключеніи сына смягчили душу его: онъ не только просилъ дочь свою, но еще испребовавъ разводъ съ недостоиннымъ мужемъ, выдалъ ее за Кингспона, котораго рана небудучи опасною, совсѣмъ закрылась.

Во все это время Сирь Аршуръ спрадалъ онъ болѣз- ни, которая угрожала его жизни. Узнавъ всѣ приключеніи своей дочери, онъ просилъ супруговъ, уничтожилъ завѣща- ніе и даже примирился съ спа- рымъ другомъ своимъ.

К О Н Е Ц Ъ.